ФЕОДОРА ДУНКАН

Квартира с чужими воспоминаниями

Феодора Дункан

Квартира с чужими воспоминаниями

«Автор»
2026

Дункан Ф.

Квартира с чужими воспоминаниями / Ф. Дункан — «Автор», 2026

Говорят, у каждого дома есть своя память. Но что, если однажды эта память начнёт разговаривать с тобой?Переезжая в старую квартиру, Соня рассчитывала лишь немного пожить среди знакомых с детства стен. Вот только некоторые вещи лучше бы оставались нетронутыми.Странные звуки, необъяснимые совпадения, ощущение чьего-то невидимого присутствия Постепенно привычная реальность начинает давать трещины. А вместе с загадками прошлого в жизни Сони появляется мужчина, встреча с которым может изменить гораздо больше, чем она предполагает.Но у прошлого свои секреты. И далеко не каждый из них готов остаться в прошлом.Мистическая история с нотками романтики о неожиданных встречах, чувствах, которым не подвластно время, и о том, что иногда самое необъяснимое происходит совсем рядом с нами.

© Дункан Ф., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1 6
ГЛАВА 2 8
ГЛАВА 3 10
ГЛАВА 4 12
ГЛАВА 5 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Феодора Дункан
Квартира с чужими воспоминаниями

Квартира с чужими воспоминаниями
Серия «Истории, которые случаются с нами»
Феодора Дункан

ГЛАВА 1

Первую записку Соня нашла в тот момент, когда дверь шкафа чуть не оторвала ей ухо.

Верхняя петля хрустнула, створка пошла вниз. Соня прижала её плечом и зачем-то посмотрела на часы: без пяти шесть. Если сейчас убьёт, мать скажет, что просила дождаться рабочего.

— Да чтоб тебя, старая сволочь!

— Кого именно? — спросили с лестницы.

Входную дверь Соня оставила открытой для грузчиков. Теперь в ней стоял мужчина с картонной папкой; увидев, что происходит, сунул папку под мышку, перешагнул через чемодан и взялся за нижний край створки.

— Руку уберите. Нет, левую. А теперь отойдите, я её положу.

— На коробки нельзя, там посуда.

— Тогда держите посуду.

Они всё-таки прислонили дверь к стене. Соня выпрямилась, придерживая рукой ухо. Мужчина поглядел на неё, потом на тёмное пятно в проборе.

— Кровь?

— Краска. Надеюсь. Я ещё потолок успела обследовать.

— Я Матвей. Людмила Павловна звонила насчёт альбома. Мы на шесть договорились.

— Софья Андреевна. Можно Соня. Альбом где-то в этом культурном слое. Мама прислала фотографию коробки, но у меня их четырнадцать, и все синие.

Матвей освободил папку, на которой остался след его локтя, и потёр ладонь. Соня только теперь заметила, что он содрал костяшку.

— У меня пластырь есть. Правда, найти его будет труднее, чем альбом.

— Ничего. У меня в кармане.

— Вы подготовились к знакомству с нашей мебелью?

— С вашей — нет. Вообще на всякий случай.

Из-под нижней рейки выскользнул сложенный листок. Соня подняла его вместе с куском штукатурки, развернула и перестала отряхивать ладонь.

«Софье Андреевне Гориной.

Если будешь снимать дверь, сначала вынь нижнюю планку. Руки-то береги».

Внизу стояла дата: 17 октября 1996 года.

— Мама Вас попросила? — Соня протянула записку Матвею.

— Что попросила?

— Ну вот это. Чтобы я мебель не трогала. Зря она. Мне сорок лет, я и новую умею ломать.

Матвей прочитал, перевернул лист.

— Аврора Михайловна писала. Смотрите, «Д» у неё какая.

Соня и без него видела эту букву, похожую на разбитую рюмку. Бабушка подписывала ей школьные тетрадки, надписывала банки с вареньем, оставляла на кухонном столе инструкции: суп в холодильнике, хлеб не грызть до обеда.

— Вы её знали?

— Мы на втором этаже жили. Я с отцом. Он фотографировал весь дом, а она всех нас кормила. Вы у неё летом бывали, девочка с хвостиком на макушке?

— Если понадобится опознание, вызову Вас. Мне в девяносто шестом было десять.

С кухни донёсся звон крышки. Следом кто-то коротко повернул кран: вода ударила в металлическое дно и оборвалась.

Матвей оглянулся.

— У Вас ещё кто-то остался?

Соня прошла мимо него на кухню.

Грузчики уехали полчаса назад. Пустая кастрюля стояла на столе, крышка лежала рядом. На дне серела пыль. Соня провела пальцем по ободку, заглянула под раковину, потрогала сухой кран.

Матвей остановился у двери, прислушался.

— Здесь стояки за стеной. Когда соседи воду включают, по трубам хорошо слышно.

— А крышкой тоже стояки звенят?

Матвей посмотрел на кастрюлю, потом на Соню.

— Воду я еще могу объяснить. С крышкой сложнеею

Соня взяла крышку и закрыла кастрюлю. Та глухо стукнула об ободок.

— Нет, — сказала Соня. — Там звонче было. Ты же слышал?

— Слышал.

Она приподняла крышку, попробовала еще раз, чуть повернув. Матвей внимательно следил за её экспериментами. Но нужного эффекта это не дало.

— Ладно. Допустим, соседи. Что-то у меня усталось накопилась видимо.

Матвей ничего не ответио. Оба еще немного постояли, прислушиваясь, но как на зло, на кухне была гробовая тишина.

ГЛАВА 2

Мать ответила по видеосвязи. На экране помещались кусок её лба и люстра.

— Поверни телефон, я тебя не вижу.

— Зато я тебя вижу. Ты почему красная? Опять что-то таскала?

— Я почти пострадала за твою недвижимость. Смотри, что нашла!

Соня поднесла записку к камере. Людмила Павловна придвинула очки, несколько секунд читала, потом исчезла из кадра.

— Мам?

— Вижу. Там жильцы постоянно что-нибудь находили. Рецепты, квитанции. Оставь, я приеду, разберём.

— Тут моё имя и про дверь, которую я только что уронила.

— Мать могла на будущее написать. Любила она это дело.

— На тридцать лет? Хоть бы курс валют сообщила.

На экране опять появилась Людмила Павловна. Шутка её не рассмешила.

— Не устраивай там цирк. Тебе две недели спокойно пожить надо, работу закончить. Я в воскресенье привезу образцы обоев.

— Приезжай без обоев. Сначала сама приезжай, я соскучилась.

Мать пообещала, отключилась, и Соня ещё немного смотрела в погасший экран.

В эту квартиру её никто не загонял. Хозяева съёмной решили въехать сами, а бабушкина как раз освободилась после жильцов. В двух комнатах всё равно собирались делать ремонт; мать предложила дочери пожить до отъезда в Казань. Соня переводила технические тексты, а теперь получила работу над музейным каталогом: два месяца на месте, с предоставленным жильём. До двадцать шестого октября нужно было дать окончательный ответ.

Последний раз она ночевала здесь после похорон в 2011-м. Тогда мать быстро вывезла посуду и бельё, закрыла пианино и вскоре сдала жильё. Чужие семьи сменили ванну, покрасили потолок, выбросили ковёр из спальни. Шкаф, люстра и жёлтая табуретка пережили всех.

Альбом нашёлся в коробке «КУХНЯ». Матвей осторожно раскрыл покоробленную обложку, попросил чистую бумагу и объяснил, что возьмёт только переплёт. Сами фотографии посмотрит его знакомая, она занимается снимками.

— А я надеялась, Вы всё умеете, — сказала Соня, ставя чайник. — И шкаф, и бабушку воскресить.

— Со шкафом попробую. Второе дороже.

— А если только на пять минут? Мне спросить надо, зачем она эту записку оставила. Потом пусть опять отдыхает.

Матвей улыбнулся, но запутавшуюся нитку из корешка вынимал так осторожно, будто они обсуждали что-то совсем другое.

Соня принесла две чашки. Одну поставила перед гостем, другую взяла за ручку и сразу опустила: из-под дна потекла вода.

— Треснула, — сказал Матвей.

— Прекрасно. Семейные ценности пошли на убыль.

Он подложил бумажную салфетку. На фарфоре был изображён олень с тонкими передними ногами, и Соня вспомнила, как в детстве пила из этой чашки молоко, стараясь не закрывать зверя пальцами.

— Выбросить? — спросил Матвей.

Соня взяла чашку у него.

— Пока нет. Может удастся отреставрировать. Много воспоминаний...

Матвей ничего не сказал про память, дорогие вещи и то, как трудно расставаться с прошлым. Просто отодвинул альбом от мокрого пятна. За это Соня мысленно его поблагодарила.

Когда гость ушёл, она обнаружила рядом с чайником использованный пластырь. На свежем белел след клея, а на коробке с книгами осталась тонкая полоска крови. Соня стёрла её влажной тряпкой, сначала попробовав с краю: не расплывётся ли картон.

Записку убрала в прозрачный файл. В кухню больше не заглядывала, пока не понадобилось выключить свет.

ГЛАВА 3

Ночью кто-то ходил по прихожей босиком.

Сначала Соня приняла этот звук за дождь. Потом услышала, как шлёпнула о пятку домашняя туфля, как задели ведро. В детстве она просыпалась под эти шаги по субботам и продолжала лежать с закрытыми глазами: бабушка шла ставить тесто, значит, до завтрака можно было поспать.

— На кровать не клади, покрывало только постелила, — произнесли за дверью.

Соня села. В комнате было темно, кроме светлого прямоугольника на потолке: чужая машина стояла во дворе с включёнными фарами.

— Кто здесь?

Шаги оборвались.

Она взяла телефон, потом тяжёлую настольную лампу. Пока шла, шнур скользил по полу за босыми ногами; у порога Соня наступила на него и едва не упала.

Снятая дверца стояла у стены. Вторая была закрыта.

Из щели между ней и косяком тянуло тёплым влажным воздухом. Пахло не духами и не плесенью, а дрожжевым тестом, которое поднялось слишком высоко, и газом от только что зажжённой конфорки.

— Аврора Михайловна? — спросила Соня и тут же обозвала себя дурой.

Дверь открылась с обычным скрипом. На полке стояла банка краски, внизу валялись вешалки. Дальняя стенка была холодной.

Мать сняла трубку после второго гудка.

— Ты чего не спишь?

Соня рассказала про голос. Про лампу умолчала: мать заинтересовалась бы, не оборвала ли она провод.

— Там вентиляция общая. Раньше снизу каждое слово слышно было, — сказала Людмила Павловна, помедлив. — Давай я такси вызову. У нас переночуешь.

— А с квартирой что делать?

— До утра она тебя дождётся. Соня, я серьёзно.

От непривычно мягкого голоса захотелось согласиться. Отец наверняка вышел бы встречать к подъезду, мать постелила бы на диване, а утром нашла бы ещё пять причин никуда не отпускать дочь одну.

Соня сказала, что останется.

До рассвета она переводила инструкцию к промышленному насосу. В четыре утра насос стал почти родным: причины его неисправностей были перечислены честно, и ни один клапан не говорил голосом умершей женщины.

Утром Соня вынула нижнюю планку. За ней оказалась щель; внутри лежали два конверта, завёрнутые в клетчатую клеёнку.

На первом было написано: «Софье Андреевне. Если ей действительно сорок».

Соня села на пол, не подложив ничего под себя.

«Про возраст я поняла. Не кричи, у меня тесто убежало. Ключ Мила забрала. Ты скажи, она его хоть не выбросила?

И дверь одна не снимай. Я слышала, как вы там кричали».

На втором конверте бабушка вывела: «Потом прочтёшь».

Соня прочла сразу.

«Не проси её опять остаться. Маленькая ты была, с тебя что взять. А я-то взрослая.

Сначала ты говорила — не отпускай. Теперь другое говоришь. Я уж не знаю, что слушать».

Обе записки были датированы семнадцатым октября девяносто шестого года.

Соня ещё раз проверила подоконник и плинтус: может быть, кто-то поставил камеру. Потом засмеялась, и от этого смеха в прихожей стало особенно неприятно.

В телефоне остался номер Матвея — он прислал расчёт.

«У Вас есть знакомый психиатр? Желательно, чтобы ещё и шкафы смотрел».

Ответ пришёл минут через десять:

«Такого нет. У меня есть булки. И отвёртка. Подойду?»

Соня написала «Да», а следом: «Это не шутка».

Он ответил без смайлика:

«Я понял».

ГЛАВА 4

Матвей пришёл к десяти, но Соня не сразу впустила его: остановилась у порога и спросила, не рассказывала ли мать ему чего-нибудь странного.

— Про Вас?

— Про меня, про бабушку. Не могла попросить разыграть?

— Мы с Вашей мамой два раза по телефону говорили. Про альбом и сколько это будет стоить.

— А Вы раньше сюда заходили, после бабушкиной смерти?

Матвей посмотрел на пакет в руке, потом на Соню.

— Нет. Если боитесь меня пускать, я оставлю инструмент и уйду. Булки тоже оставлю, они с утра безобидные.

Соня отступила от двери.

— Входите. Только я сегодня не очень.

— Уже заметил.

На кухне он прочёл конверты. Не улыбался, не щупал лоб, не предлагал успокоительное. Когда Соня стала рассказывать про тёплый воздух, попросил показать, откуда тянуло.

Заднюю стенку простучали. Над дверью в кухню нашлась вентиляционная решётка; Матвей поднёс к ней полоску бумаги, та едва шевельнулась. Снял крышку розетки в прихожей, понюхал, вернул на место.

— Проводка тут, конечно, хреновая, но людей пока не изображает.

— А если в соседней квартире кто-то говорит?

— Может быть. Я вчера и сказал, что может. Только про ваши сорок лет из соседней квартиры объяснить не смогу.

Соня ждала, что от трёх найденных записок у другого человека изменится лицо сильнее. Теперь злилась на Матвея за то, что он стоял перед шкафом в обычных джинсах, с отвёрткой в руке, и всё ещё мог что-то чинить.

Он сел за стол и достал из папки три фотографии.

— Отец в девяносто шестом выставку для дома делал. Снимал жильцов с любимыми вещами. В районной библиотеке потом висело. Аврора Михайловна велела снять её с кастрюлей.

— Серьёзно?

— Она сначала хотела с пианино, но Ваша мама сказала, что на нём вообще-то играет она. Кончилось кастрюлей.

Соня взяла снимок. Бабушка стояла на кухне, держа перед собой большую эмалированную кастрюлю. Позади была открыта дверь в прихожую, а на внутренней стороне створки белел приколотый лист.

На обороте отец Матвея написал карандашом: «Аврора Михайловна. Октябрь 1996». Подпись Соня помнила по снимкам одноклассников: маленькая буква «т», похожая на крестик.

Матвей открыл на телефоне увеличенный скан. Прочитать лист целиком не получалось. Различались верхняя строка, длинная фамилия и два слова под ней: «снимать дверь».

Соня потянула фотографию к окну.

— Это ведь можно сейчас сделать. На компьютере.

— Скан можно. У меня есть негатив. Не гарантия ничего на свете, но посмотреть сможете. Только я не эксперт по подделкам, не начинайте.

— Я пока только начинаю с ума сходить. До экспертов доживу — позову.

На втором снимке бабушка отвернулась к плите. На третьем попала в кадр мать: у двери, без пальто, с пустыми руками, рот приоткрыт, словно хотела что-то сказать и передумала.

Соня привыкла видеть Людмилу Павловну на фотографиях собранной. Здесь у матери выбилась прядь, на щеке было красное пятно, и она совсем не знала, что с ней делать, с этой своей рукой.

— Вы в тот день были здесь? — спросила Соня.

— Был. Провода таскал, свет держал. Помню, ваша бабушка ругалась, что отец в прихожей всё загородил.

— Ещё что-нибудь?

Матвей прищурился, всматриваясь в снимок.

— Мне тринадцать было. Я тогда всё ждал, когда нас отпустят. Не буду выдумывать.

Соня положила фотографии рядом с записками. Разговор о призраках вдруг оказался проще, чем смотреть на лицо молодой матери.

ГЛАВА 5

Людмила Павловна приехала в воскресенье с образцами обоев и контейнером котлет.

— Это не приговор, — объявила с порога. — Можно свои выбрать.

— Обои или котлеты?

Мать положила на стол сумку и сняла очки, запотевшие с улицы. Пока протирала стёкла, Соня вынула фотографии.

— Кто тебе дал?

— Матвей. Ты здесь на себя не похожа.

— На кого надо, на того и похожа.

Людмила Павловна прочла записки, вернулась ко второй, прижала пальцем строку.

— Она и тогда говорила эту ерунду. Из прихожей якобы ей отвечают.

— Ты помнишь?

— Соня, я не собираюсь сейчас обсуждать её давление.

— Ей пятьдесят семь, мам. Она после этого ещё пятнадцать лет прожила. Я не про болезнь спрашиваю.

Мать надела очки и взяла третий снимок. Очень долго смотрела на собственное лицо.

— Там письмо было, — сказала наконец. — В шкатулке, наверху.

Приглашение на прослушивание пришло в сентябре. Людмилу рекомендовала бывшая преподавательница; в другом городе собирали камерный ансамбль, искали пианистку. Она ждала ответа, ходила на почту, звонила в училище, но не тому человеку и не в тот день. Потом решила, что не подошла.

Шестнадцатого октября истёк срок подтверждения. Семнадцатого преподавательница дозвонилась сама.

— Я приехала сюда. Мать сначала говорила, что ничего не было, потом — что я всё равно не поеду. Папа со спиной, Андрей в командировках, ребёнок на ней. А у нас с твоим отцом уже было договорено, что делать, если меня возьмут. Только её это не устраивало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.